

Алексей
Ланцов

«Будут все как дети Божии...»

Традиции житийной литературы
в романе Ф. М. Достоевского
«Братья Карамазовы»

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

УДК 82.092
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
Л 22

Ланцов А.

Л 22 «Будут все как дети Божии...» Традиции житийной литературы в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А. Ланцов. — СПб.: Алетейя, 2011. — 64 с.

ISBN 978-5-91419-496-0

Монография Алексея Ланцова посвящена выявлению житийных источников последнего романа Ф. М. Достоевского. В центре анализа — жанровые особенности романа, образы святых — Феодосия Печерского и Алексия человека Божия, напрямую связанные с главными героями произведения, особенности осмысления Достоевским этических постулатов жития, христианский подход писателя к разрешению проблемы страдания.

Автор выдвигает и обосновывает гипотезу, согласно которой Достоевский был близок к созданию принципиально нового литературного жанра.

Монография адресована специалистам по творчеству Достоевского, преподавателям литературы, аспирантам, а также всем любителям русской классики.

УДК 82.092
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-91419-496-0

9 785914 194960

© А. Ланцов, 2011
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
© «Алетейя. Историческая книга», 2011

ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИТИЙНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В силу ряда причин изучение в России древнерусской литературы началось значительно позже, чем изучение романа. Только в середине XIX в. активизируется деятельность по изданию памятников отечественной словесности, начинают выходить труды Ф. И. Буслаева, А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, посвященные культуре Древней Руси. В 1862 г. издается «Житие протопопа Аввакума» и выходит вторым изданием «Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви». К 1871 г. относится значительный труд В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник». В эти же годы Археографическая комиссия переиздает «Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария. В целом, с 1850 по 1916 гг., Д. И. Абрамовичем, Н. П. Розановым, К. И. Невоструевым, Н. И. Костомаровым, А. П. Кадлубовским и многими другими было издано весьма значительное количество житий¹. Росло и количество исследований древнерусской агиографии.

К сожалению, после 1917 г. новая политическая ситуация разрушила этот набиравший силу процесс, а результатом стало то, что и к концу XX в. «...методика изучения жанрово-стилистического своеобразия литературных текстов этого типа в нашей науке до сих пор остается невыработанной, и в полной мере комплексного подхода к анализу агиографической традиции пока не сложилось»², однако и в политически неблагоприятных условиях входили работы, содержавшие анализ поэтики житийной литературы. Это, прежде всего, работы Д. С. Лихачева, В. П. Адриановой-Перетц и В. В. Кукова.

¹ См., например, указатель литературы в кн.: *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 240–242.

² *Минеева С. В.* Истоки и традиции русского агиографического жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. — 2000. — № 1. — С. 20.

Среди многочисленных и разнообразных работ Д. С. Лихачева, посвященных литературе Древней Руси, наиболее репрезентативной является книга «Поэтика древнерусской литературы», выдержавшая в 60–70 годы XX в. три издания (последнее — третье — 1979 г.).

Д. С. Лихачев прежде всего отмечает, что «категория литературного жанра — категория историческая», что выделение литературных жанров имело на Руси во многом внелитературные причины («жанры определяются их употреблением»), что, наконец, «жанры составляют определенную систему»¹. Необыкновенно многообразны в древнерусской литературе жанровые обозначения. Одна из причин этого — «древнерусские произведения <...> соединяли в себе несколько жанров»². Скажем, произведение состояло из жития, службы этому святому, описаний посмертных чудес и т. д. «Множество произведений “нанизывали” на одну тему отдельные, различные по своему жанру, более мелкие произведения, например: “Сказание и страсть и похвала свято мученику Бориса и Глеба”, где были действительно соединены житие (“сказание и страсть”) с “похвалой”»³.

Жанры не просто существовали в системе, но имели определенную иерархию, эта была система *иерархическая*. Жанры делились на «жанры-сюзерены» и «жанры-вассалы»⁴. Вторые входили в состав первых. «Произведения группировались в громадные ансамбли»⁵. Жанровый состав таких «ансамблей» был отнюдь не однороден. Например, жанр ансамблевого типа — патерик включал в себя не только рассказы из жизни святых, но и иные многие жанры.

Литературные различия между жанрами были, по мнению Лихачева, достаточно сильны. Древнерусские жанры различались, например, образом автора: «Каждый жанр имеет свой

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — 3-е изд. — М.: Наука, 1979. — С. 55–56.

² Там же. — С. 58.

³ Там же.

⁴ Там же. — С. 59.

⁵ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. — Л.: Наука, 1973. — С. 50.

строго выработанный традиционный образ автора, писателя, “исполнителя”. Один образ автора — в проповеди, другой — в житиях святых (он несколько меняется по поджанровым группам), третий — в летописи, иной — в исторической повести и т. д.»¹.

Литературные различия сказывались так же и в том, что «древнерусские жанры в гораздо большей степени связаны с определенными типами стиля, чем жанры нового времени»².

Попытку рассмотреть жития святых в качестве материала «для наблюдения над развитием русской беллетристики» приняла В. П. Адрианова-Перетц (она автор главы «Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв.» коллективного труда «Истоки русской беллетристики»³). По ее мнению, многие агиографы, хорошо знакомые с античной литературой и мифологией, «поставили перед собой задачу довести до читателя учительную идею своего произведения в живых образах. Поэтому они *изображают* жизнь своего героя, а не ограничиваются сообщением о биографических сведениях: вводят внутренние монологи, диалоги, дополняющие характеристику не только самого святого, но и окружающих его друзей и врагов; используют и в описании, и в речах и размышлениях те художественные детали, которые помогают читателям живее представить обстановку, в которой развивается действие, или настроение его участников. В такой разработке житийной темы отразился не только литературный вкус агиографов. Они делали своего рода уступку интересу читателей к светской литературе и средствами этой литературы стремились привлечь внимание к основной теме, к главной идее жития и таким образом усилить воздействие ее на сознание, т. е. заставить приемы художественной внерелигиозной литературы служить практической цели религиозной пропаганды <...>. Переводная византийская агиография передала в русскую литературу элементы беллетристичности <...>. Назидательной цели житийного повествования не противоречило

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. — С. 69.

² Там же. — С. 70.

³ Истоки русской беллетристики / Отв. ред. Я. С. Лурье. — Л.: Наука, 1970. — С. 67–107 (в дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте в скобках после цитаты).

то, что оно иногда превращалось в увлекательный рассказ о таких событиях жизни святого, которые открывали возможность более глубокого проявления его христианских добродетелей. Там, где герой сказки и эпоса побеждает огромной физической силой, воинским мужеством, умом или хитростью, житийный герой одолевает силой веры, терпением, смирением и другими качествами идеального христианина. Но сами препятствия, встающие на жизненном пути святого, описываются агиографом с такой силой изобразительности, которая дает право беллетризованным образцам житийного жанра занять место в ряду произведений художественной литературы» (68–69).

Что же вносили беллетристические эпизоды «в обязательную сюжетную схему жития»? Они «шире, чем это предусматривалось каноническим планом, показывали среду, в которой жил и совершал свой подвиг главный герой, усложняли описание его борьбы со всеми обстоятельствами, которые пытались мешать подвигу», твердость и непреклонность святого по отношению к родным во имя совершения подвигов веры рождало в читателе невольное «не входившее в прямой замысел агиографа сочувствие к их (родственников — А. Л.) страданиям», беллетристические эпизоды способствовали более глубокому проникновению во внутренний мир героя и его окружения, «перед читателем проходили картины семейного быта, описания трудной и напряженной борьбы святого с самыми разнообразными препятствиями, которые он неизменно преодолевал. В конечном итоге все это служило основной цели жития, делало ярче и убедительнее образ святого и его подвиг» (69).

В результате этого меняется образ святого, он «перестает быть схематично прямолинейным: горе покинутых родных и у него может вызвать слезы сострадания; скрываясь от тех, кто пытается вернуть его к “мирской” жизни, святой прибегает к обману, хитрости; в минуты слабости у него вырываются жалобы на трудность испытаний, мольбы о помощи свыше. Самое преодоление таких настроений усиливает ценность подвига во имя религии, и в то же время изображение этих настроений и борьбы с ними является этапом в процессе становления художественной литературы» (69–70).

Адрианова-Перетц обращает внимание на то, что исследователи «уже давно связали» жития с греческим романом.